

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д 79

Издание подготовлено группой Альфа

Дубас, Алекс.
Д 79 Моя девушка уехала в Барселону, и все, что от нее осталось, — этот дурацкий рассказ / Алекс Дубас — Москва : Издательство АСТ, 2018. — 272 с. — (Моменты счастья).

ISBN 978-5-17-104283-7.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Издание для досуга

16+

Алекс Дубас
МОЯ ДЕВУШКА УЕХАЛА В БАРСЕЛОНУ,
и все, что от нее осталось, —
этот дурацкий рассказ

Ведущий редактор К. Секачева
Корректор И. Мокина
Технический редактор Т. Тимошина
Верстка А. Грених
Дизайн обложки А. Кузьмина

Подписано в печать 26.04.2018.
Формат 60x90/16. Усл. печ. л. 17.
Тираж 2000 экз. Заказ №

Общероссийский классификатор продукции ОК-005-93, том 2;
953000 — книги, брошюры

ООО «Издательство АСТ»
129085, г. Москва, Звездный бульвар, д. 21, строение 1, комната 39
Наш электронный адрес: www.ast.ru

E-mail: astpub@aha.ru

«Баспа Аста» деген ООО
129085, қ. Мәскеу, Жұлдызды гүлзар, уй 21, 1 құрылым, 39 бөлме
Біздің электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru
E-mail: astpub@aha.ru

Интернет-магазин: www.book24.kz

Интернет-дүкен: www.book24.kz

Импортёр в Республику Казахстан ТОО «РДЦ-Алматы».

Қазақстан Республикасындағы импорттаушы «РДЦ-Алматы» ЖШС.

Дистрибьютор и представитель по приему претензий на продукцию в республике Казахстан:

ТОО «РДЦ-Алматы»

Қазақстан Республикасында дистрибьютор
және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының
өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., За, литер Б, офис 1.

Тел.: 8(727) 251 59 89, 90, 91, 92

Факс: 8(727) 251 58 12, вн. 107; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Өндірген мемлекет: Ресей

Сертификация қарастырылмаған

ISBN 978-5-17-104283-7

© Алекс Дубас, текст
© ООО «Издательство АСТ»

МОЯ ДЕВУШКА УЕХАЛА В БАРСЕЛОНУ...

...и все, что от нее осталось, — этот дурацкий рассказ

Я сижу на самой середине пешеходной улицы со спущенными штанами. Сижу на унитазе. На брови надвинута шляпа белого цвета. Читаю книгу. Это биография Гийома Аполлинера. Возле меня останавливаются прохожие, смеются и обсуждают. Показывают на меня пальцами. Кидают монетки и щелкают фотоаппаратами. Некоторые норовят сфотографироваться бесплатно. Я не обижаюсь. Я только строго смотрю на таких людей. Мне нельзя говорить. Ведь я — мим.

Главная улица Барселоны называется Рамбла. И нас таких на Рамбле много. За те месяцы, кото-

рые я здесь сижу, перезнакомился почти со всеми, кроме нескольких человек.

А с Джиджи даже подружился. Джиджи — единственный испанец среди нас. Он изображает кентавра. Смастерил из папье-маше лошадиное туловище и ноги коня. В передние, лошадиные, он вставляет свои, а задние набиты поролоном. Затем крепит ремнями круп лошади к своей спине и берет копьё. Джиджи — золотой. А я — белый. Это здесь такая традиция: краситься краской и стоять неподвижно, будто памятник. А когда тебе кидают деньги, нужно оживать. Как-то реагировать, подмигивать, двигаться. Или танцевать, как Слава.

Слава — полька и фея. Сама малюсенькая, она надевает прозрачное пышное платье, увешанное яблоками, апельсинами и вишней. Слава красится в лазурные оттенки, а вот ягоды и фрукты у нее настоящие. Когда ей особенно нравится какой-то ребенок, она, танцуя, отрывает от себя что-нибудь и угощает малыша.

Но, конечно, у детей вызывают большой восторг Пират и Серебряный рыцарь. Они и стоят друг напротив друга. Эти двое ребят, они американцы, знают свое дело. Им не скучно. Когда на Рамбле мало прохожих, они могут перекурить и поболтать. Вот в такие технические моменты их и любят подлавливать туристы, щелкающие своими фотоаппаратами.

Еще у нас есть Пескадоро из Венесуэлы, который совсем не говорит по-английски. Он практически с нами не общается. Вечером забирает свои монеты и молча уходит. Пескадоро — вампир. Это самый простой перформанс. Мне кажется, что он даже костюм не готовит. Так и приходит в своем оборванном фраке. Только подкрашивает белым лицо. А красным рисует кровь под глазами и рот. Думаю, что он зарабатывает меньше всех. Я видел однажды Пескадоро в баре. Он молча пил в одиночестве чупито. Чупито — это такие маленькие шоты по двадцать пять грамм чего-то вкусенького и забористого. Я кивнул ему: «Ола, боэнос ночес!», а он даже не ответил. Может быть, и не узнал. Но, скорее всего, все же узнал. Потому что как-то он полчаса стоял напротив меня и смотрел — видно, запоминал детали костюма.

Еще на Рамбле есть Самая Толстая Женщина, Робот, Велосипедист-Скелет, Грустный Поэт, Американский солдат во Вьетнаме (коричневого цвета), Гораций и Чубака из «Звездных войн». И еще разные ребята, которые иногда появляются, но, как только решают свои вопросы, сразу исчезают.

Но самая яркая звезда Рамблы — это, конечно, я. Так уж вышло. Еще бы: не каждый день встретишь человека, читающего на унитазе. У меня очень сложный костюм. Его трудно было сделать, зато теперь каждый день я готовлюсь всего-то за

десять минут. Рано утром, когда еще не жарко, мы с Джиджи выгружаем из багажника его минивэна наши принадлежности. У меня — это сборный постамент и сам унитаз с трубой, бачком, цепочкой и ручкой. Ерш и туалетная бумага. В хороший день уходит от четырех до пяти рулонов. Еще дома я крашу белой краской ноги от трусов до лодыжек и кисти рук. И уже на месте гримирую лицо и шею. Мой костюм и котелок выкрашены изначально и навечно. Обложки книг я крашу по мере чтения. Самое неуклюжее — это, взобравшись на постамент, снять штаны и сесть. Но я наловчился, теперь управляюсь за три секунды.

Некоторые, я знаю, думают, что мы, мимы, почти нищие — на мелких монетках шикарно не проживешь. Это не так. В хорошие дни, бывает, можно заработать и пятьсот евро. Это намного больше, чем мне надо. Я сижу себе и читаю. Иногда поверх книги смотрю на людей. Они неизменно улыбаются. И почти всегда смеются. И мне это очень нравится. Вот кто-то кидает монетку. Я медленно поднимаю голову, будто прислушиваюсь. Кидают еще одну — я делаю вид, что тужусь. Мимикрирую. Мне помогают еще монеткой. Я облегченно вздыхаю и блаженно улыбаюсь. Монеты сыплются, как наливные капли весеннего дождя у меня на родине. Тогда я беру рулон бумаги, медленно отрываю по перфорации несколько клочков и делаю то, что делают

все люди, — подтираюсь. В эти моменты порой мне кидают и купюры.

Хотя иногда туристы лукавят, и потом мне приходится отбирать деньги всевозможных стран с иероглифами или арабской вязью. И что мне прикажете с ними делать?

Мои соотечественники очень любят кидать рубли. Они не стоят ничего, а звенят в ведерке перед постаментом, как полноценные евро. Я не очень люблю земляков. Они громко обсуждают меня, думая, будто их никто не понимает, и скабрёзно шутят. Зато мне очень нравятся мусульманские женщины. Они ходят стайками, а при виде меня что-то оживленно щебечут друг другу и стыдливо хихикают. И еще они самые щедрые.

Пять с половиной месяцев назад я прилетел в Барселону в поисках Лены совершенно без денег. Я вообще первый раз оказался за границей, и мне повезло — дали визу сразу на полгода. Первые три недели я жил в дешевом хостеле в квартале Борно. Там в общем-то безопасно, но все же иногда лучше не ходить в одиночку ночью. Нет, у меня никогда не возникало проблем, но всегда, проходя по готическим лазейкам квартала, мимо курящих и попивающих пиво марокканцев, я весь собирался и подтягивался. Делал независимое и уверенное лицо. А они еще, как назло, замолкали и провожали меня тяжелым взглядом. Жуткова-

то. Готика и марокканцы. Это как если смешать текилу с джином.

Зато жизнь там почти ничего и не стоила. Готовили мы в номере. Да и соседи постоянно менялись. В основном студенты из разных стран, всегда веселые и пьяные. И слушают ту же музыку, что и я. Мне все это очень нравилось. Я понял, что мир огромный, разный и свободный. Совсем не такой, как дома в телевизоре. На самом деле у него почти нет границ.

А потом деньги закончились, и пришлось туго. Я даже пару ночей ночевал на пляже и ел остатки курицы гриль на рынке Бокерия. Вечером, когда рынок уже закрывался, хозяин кафешки выкладывал на заднем дворе несколько целых кур. Сегодня их уже никто не купит, а завтра они будут никому не нужны. Кур ел не только я, но и местные собаки и голуби. Собаки были очень дружелюбные и приходили не каждый день. Но вот голуби! Голуби меня удивили. Они стайей терзали курицу, оставляя только косточки. А я до сих пор удивляюсь: как же так? Птица Пикассо. Символ мира! Make love, not war. Как они могут клевать себе подобных? Да еще в чесночном соусе.

То время у меня ассоциируется с одной женщиной. Это было ночью. Дождливой ночью, что вообще редкость для этих краев. Я крался домой, она стояла возле бара. Пьяная и беременная. На вид

животу было месяцев восемь. Она запеленговала меня метров за тридцать. Из бара доносился рэп на арабском. Она что-то говорила мне по-каталански. Тащила за собой. Поймала мою руку. Схватила крепко. А потом приложила ее к своему животу. Я так и не знаю, что же она хотела от меня. Просто денег или денег за секс? Я помню только возню, зародыш боксировал ее изнутри, я ощущал его ладонью. Помнится, я тогда подумал: «А ведь это и есть сама Барселона. Вечно пьяная, невменяемая и на сносях».

А потом простоял возле дома полночи. Под теплым дождем.

Если бы не Джиджи, мне бы пришлось совсем нелегко.

Я облюбовал лавочку как раз напротив него. Вечерами, когда толпа рассасывалась и туристы отправлялись исследовать ночные радости Барселоны, кентавр Джиджи отстегивал свой круп. Собирал вещи, аккуратно ссыпал деньги в кожаный мешок и с удовольствием выкуривал сигарету. Так мы и познакомились. Поболтали в первый вечер, во второй, а потом я к нему и переехал. Он как-то проникся моей историей.

Джиджи из очень знаменитой каталонской семьи, в которой всегда повторяют: Catalonia — is not Spain. Но в семье он не живет и презирает ее традиции. А родные и близкие, в свою очередь, считают его

неуклюжим искривлением благородной кости кабельеро, но все равно очень любят и говорят, что двери дома для него всегда открыты.

Джиджи — гей. И он несколько раз даже пристаивал ко мне. Но я как мог объяснил ему, что это будет лишним. Что я не могу. Он очень славный и искренний. Даже немного жаль, что я не смог ему ответить. Честно говоря, я пару раз пытался представить, как это я буду целовать Джиджи. Касаться его губами. Как он будет гладить меня и водить по спине рукой. Ничего не произошло. Я не возбудился. Мне не было неприятно. Мне было просто никак. Это не мое. И потом, ведь я люблю Лену.

Джиджи, хотя и все время повторяет, что от женщин ничего хорошего ждать не приходится, все равно мне помогает. Он рассказал про Дидье — французского хиппи, который и придумал этого человека с унитазом. Дидье радовал народ полгода, а потом уехал в еще более теплые края. Сейчас он иногда разговаривает с Джиджи по скайпу, и в окошечке на компьютере видно, как человек в наушниках с микрофончиком лежит в гамаке на фоне пальм и моря и передает приветы Барселоне. Так место человека с унитазом оказалось свободным, и Джиджи вспомнил детали костюма и нюансы персонажа. Более того, мы его существенно усовершенствовали. Так, например, у Дидье не было рулонов с бумагой. А у меня есть. Интересно, что придумает

следующий парень? Тот же Пескадоро. Когда я уеду. А уеду я уже через две недели, когда закончится виза. За это время мне нужно найти Лену. И это обязательно произойдет. Не сомневаюсь.

«Но как мне ее искать?» — думал тогда я. Она уехала и не оставила ничего. Ни одного маячка, ни одной, как говорят детективы, зацепки. Лена такая.

Я полюбил ее в танце. Танцевать я в принципе не умею. Ну нет в моей программе такого файла. А тут друзья привели на ее праздник. Лена занималась тем, что устраивала вечеринки. Закрытые и не очень. Дорогие и не очень. Веселые и очень веселые. Постоянно придумывала что-то особенное. На свой день рождения она арендовала большую круглую кинопанораму. Это странное сооружение, оставшееся еще от Советского Союза. Там восемь кинопроекторов с гигантской ширины пленкой и старые документальные фильмы, которые транслируются на все пространство вокруг тебя. Самый свежий называется «Возьмите меня с собой, туристы». Он снят в 1987 году. Это все потому, что пришли новые технологии, и такое чудо стало никому не нужно. Как фотоаппараты «Полароид». Так вот, Лена арендовала эту панораму. Вокруг беззвучно открывали рты туристы возле костра с гитарами, а музыку играли диджеи, Ленины друзья. Их сменяли музыканты, тоже Ленины друзья. А потом артисты. У нее очень много друзей.

И еще она все время куда-то уходила и переодевалась. То в вечернее платье, то в блестящий костюм с синими погонами. А потом группа заиграла испанскую музыку, и Лена вдруг вышла в пышной цыганской юбке с веером. Она хватала попадающих ей на глаза мужчин и танцевала с ними. Вот так я опрометчиво оказался на ее пути. Лена взяла меня за руку, потянула к себе, и я поплыл.

Я полетел.

Я начал танцевать!

И у меня это прекрасно получилось!

Это невероятно. Тела двигались синхронно, ловя малейшие нюансы ритма. Откуда у меня взялось это умение? Я вытанцовывал аккуратные шажки, ведя Лену вперед спиной, аккуратно и стремительно укладывал ее на свою ладонь, будто в лодочку, затем понимал руку вверх и кружил под ней девушку, как юлу. Я потом не раз смотрел эти кадры, слава Богу, кто-то снимал. Так вот, это был не я. Это был какой-то бразилец, с детства танцующий сальсу в своих фавелах. Наконец Лена вынырнула из нашего тандема и стала отбивать четку с веером возле какого-то банкира, который встал перед ней на колени и хлопал в такт, держа галстук в зубах.

Я стоял обескураженный и восхищенный. Что же еще может делать такая женщина, рядом с которой вдруг у мужчин все получается?

Если такая женщина рядом — мужчина становится в тысячу раз легче и в миллион раз сильнее.

Он вдруг взлетает на парашюте, спускается на сноуборде, ложится на иглы, совершает выгодные сделки, разжигает революции, заботится о детях, поднимает алые паруса на своей яхте, снимает свои лучшие фильмы, строит самые высокие дома, изобретает новые компьютерные программы, читает мысли, разбирается в винах и сигарах, забивает лучшие голы, побеждает быков на корриде, а соперников — на ринге.

Все это происходит только тогда, когда с тобой — она, настоящая женщина. Таких единицы. И если хоть однажды в жизни тебе повезло быть любимым такой женщиной, это значит только одно: ты жил. И жил по-настоящему. Теперь ты не имеешь никакого права жаловаться на судьбу. И еще это значит, что кому-то там, на небесах, ты очень понравился. Чем-то заслужил такой подарок. И эти небеса тебя поцеловали.

Лена любила меня одиннадцать с половиной месяцев и еще три дня. Чуть-чуть не хватило до года. А вместе мы были и того меньше. Она постоянно улетала. То в Америку, где устраивала какие-то пати. То в Лондон, то на разные острова. И у меня все так и было, как и должно быть с Музой. А именно:

Я совсем забросил институт, но с легкостью сдавал все зачеты.

Мы с другом начали маленький бизнес, связанный с Интернетом, и он неожиданно пошел.

Я записался на режиссерские курсы.

И еще я начал петь в душе.

Когда мужчина поет под водяными струями — у него все в порядке.

Вот только с моим загранпаспортом почему-то все затягивалось в МИДе, но я и не торопил. Я не хотел мешать Лене работать.

Ее мир мне очень нравился. В нем совершенно не было логики и какой-либо структуры. Одни лишь эмоции. И яркие друзья. Какие-то барабанщики из Судана, английский лорд, наследник империи печенья. Фотограф Матье, который обожал Москву и всегда останавливался у нас, когда приезжал. Сейчас у меня на стене висит сделанная им фотография. На ней маленькая темная девочка подбрасывает на берегу кальмара. Еще Лена дружит с дочкой президента Андорры. Ее зовут Ниэра, что переводится как «снег». Я несколько раз спрашивал Лену, где они познакомились. Любопытно ведь. Она всегда уклончиво отвечала: «На какой-то вечеринке во Франции».

Лена старше меня на пять лет. Но она никогда не называла меня «Мой мальчик» или там «Малыш». Наоборот, что мне очень нравилось, своим друзьям она всегда представляла меня: «Мой папень» или «Мой мужчина».

Иногда Лена добавляла: «Я не могу им надыхаться».

А еще она всегда воровала парфюм в магазинах дьюти-фри. («Чтобы не потерять сноровку».) Иногда она привозила одеколоны и для меня. Разноцветные и наполовину пустые пузырьки с разными запахами.

Ее мир мне нравился, но я старался не жить им. Мне просто было дивно наблюдать его. И наблюдать себя, ощущать свою силу и всемогущество. Я упивался этим чувством. И было особенно здорово, когда наши с Леной настроения совпадали.

Мы могли часами хулиганить в блогах в каком-нибудь интернет-сообществе. Устраивать там провокации.

Пересматривать один и тот же фильм.

Играть за разные команды в пейнтбол.

Читать по очереди вслух.

И, конечно, танцевать.

Если уж мы шли на вечеринку, где танцуют, например, рок-н-ролл, то уж готовились к ней будь-будь! Лена повязывала голову косынкой в горошек, надевала сарафан, кеды и огромные очки в пол-лица. Я как-то тоже напялил что-то смешное, но она, оценивающе оглядев меня, сказала, что мне точно не хватает джинсового пиджака. Мы тут же пошли в магазин, где и купили то, что нужно. Еще и нашейный платок в придачу. «Вот

теперь — порядок», — сказала она, и мы танцевали до утра.

А потом она вдруг взяла и уехала. Так и сказала, что завтра улетает жить в Барселону. Что хочет солнца, что там хорошие условия для ее работы. И все это как ни в чем не бывало, своим обычным тоном. Я сначала и не поверил, мы даже в ту ночь занимались любовью. Но это было как-то особенно. Более подробно, чем всегда, что ли? Вот тогда я и понял, что она сейчас со мной прощается. Что она несколько не шутила. Я сел на кровати и с ужасом спросил:

— Ты что, правда уезжаешь?

— Конечно.

— Я поеду с тобой.

Сказал это и уже знал, что она ответит.

А на следующий день, когда я вернулся домой, ее уже не было.

Она забрала всю себя, включая ватные палочки для чистки ушей.

Ни записки, ни нового номера телефона. На мои имейлы она не отвечала.

Вот я и приехал сюда.

Все это я рассказывал Джиджи на крыше его дома.

Он живет в районе Барселонета. Такое нежное название, как будто синьорита. Юная девушка. Хотя район один из самых старых в городе. Он так и остался рыбацким, каким всегда и был.